

И. А. Груцо

ОРЛЫ 18-го И 35-го ПОЛКОВ ЛИНЕЙНОЙ ПЕХОТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ КАК РУССКИЕ ТРОФЕИ СРАЖЕНИЯ ПРИ КРАСНОМ: ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

Важность изучения истории символов воинской чести заключается в том, что их судьба выступает в качестве критерия, позволяющего выносить объективные суждения о состоянии боеспособности войск противоборствующих сторон в вооруженных конфликтах. В полной мере данное утверждение относится и к сражениям военной кампании 1812 г. Одним из наиболее масштабных среди них является сражение под Красным, в котором русские войска впервые захватили сразу несколько символов воинской чести полков линейной пехоты французской армии. Насколько данное утверждение, ставшее к настоящему времени хрестоматийным, достоверно, можно оценить только через призму историографического и источниковедческого анализа.

К началу вторжения наполеоновских войск в Российскую империю составлявшие их стеновой хребет полки французской армии имели в качестве официальных символов воинской чести так называемых орлов. Каждый из них представлял собой позолоченную бронзовую скульптуру сидящего орла с полурасправленными крыльями, полотнище знамени, ленту с двумя кистями и древко. Главным элементом считался орел-навершие, одновременно являвшийся новым государственным символом наполеоновской империи.

Первое в российской дворянской историографии упоминание о трофейных символах воинской чести различных контингентов Великой армии принадлежит управляющему Особенной канцелярии (высшему органу российской военной разведки) П. А. Чуйкевичу и относится к 1813 г. В сводной таблице трофеев из его работы «Рассуждения о войне

1812 года» отмечено, что в сражении при Красном русским войскам досталось в общей сложности 15 знамен, но без указания на их полковую принадлежность¹.

Практику использования сведений о трофейных символах воинской чести Великой армии продолжил историк Д. И. Ахшарумов в книге «Описание войны 1812 года», вышедшей в свет в 1819 г. Говоря о сражении при Красном, он упоминает, что трофеями сразу нескольких полков русской армии (лейб-гвардии Егерского, Финляндского, лейб-гвардии Кирасирского, 2-й дивизии кирасир, Ревельского пехотного полка) стали «три знамя»². Ничего не говорится о том, к каким подразделениям из состава Великой армии они принадлежали и что из себя представляли.

В 1838 г. опубликована вторая часть труда полковника Д. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», в котором записано, что в сражении при Красном русские войска захватили у IV корпуса под командованием вице-короля итальянского Е. Богарне «одного орла и одно знамя»³. Отряд генерала Милорадовича, преследуя I корпус маршала Даву, захватил «одно знамя»⁴, а отряд генерала Розена отбил у этого же корпуса «два знамени»⁵. Однако, по приведенным тем же Д. Бутурлиным со ссылкой на сведения из журнала генерал-квартирмейстера Толя данным, в сражении при Красном потери неприятеля составили «три знамя и три штандарта»⁶. Кроме того, лейб-гвардии Уланский полк отбил у III корпуса маршала Нея «одного орла»⁷. Тем не менее, подводя итог череде сражений при Красном, Д. Бутурлин, перечисляя трофеи, почему-то говорит «о нескольких знаменах»⁸. Налицо полнейшая путаница не только в количестве захваченных русскими войсками символов воинской чести неприятеля, но и отсутствие определения их принадлежности к конкретным воинским подразделениям.

Вновь вопрос о трофейных знаменах Великой армии в сражении при Красном был поднят в работе военного историка А. И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года». По его данным, в ходе атаки 5 ноября у д. Еськово отряда под командованием генерала Милорадовича на колонну войск I корпуса маршала Даву захвачено одно знамя⁹. Затем он говорит, что в этот же день захватили «3 знамени и 3 штандарта»¹⁰. В итоговом же подсчете трофеев, захваченных за все время сражения при Красном с 3 по 6 ноября, о знаменах речи вообще нет¹¹. Нет также никакой информации и об их принадлежности к конкретным воинским частям Великой армии.

Представители буржуазной российской историографии расширяют круг источников, на основании которых не только описывают основные события

военной кампании 1812 г., но и насыщают значимыми подробностями их отдельные эпизоды. Так, военный историк генерал-лейтенант М. И. Богданович в книге «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам», описывая сражение при Красном, указывает, что полковник Давыдов и Московский драгунский полк взяли Орла 35-го полка линейной пехоты французской армии¹², а гвардейские уланы – 18-го¹³. Таким образом, им впервые был установлен и опубликован факт захвата Орлов конкретных подразделений неприятеля в данном сражении. Проверить его истинность невозможно, поскольку М. И. Богданович не указал источник информации.

Тем не менее эти сведения были использованы при составлении историй данных полков, опубликованных в последней трети XIX в. Автор истории лейб-гвардии Уланского полка поручик В. Крестовский при описании эпизода захвата в битве при Красном Орла 18-го полка линейной пехоты отметил, что этот подвиг, «изрубив знаменосца», совершил корнет Карачаров, которому помогли корнет Большвинг и рядовой Дарченко, «рубившие знаменные ряды»¹⁴. Правда, в списке георгиевских кавалеров полка – а захват на поле боя неприятельского символа воинской чести входил в число подвигов, за которые военнослужащие получали эту высокую награду – отсутствуют фамилии упомянутых корнетов. Нет их, как и рядового Дарченко, среди кавалеров «знака отличия военного ордена» (солдатского Георгия. – *И.Г.*). Единственное упоминание о награждении связано с корнетом Константином Ивановичем фон Большвингом, получившим золотое оружие и орден Св. Владимира 4-й степени с бантом «за содействие отличною храбростию ко взятию неприятельского орла под Красным»¹⁵.

В истории этого же полка, авторство которой принадлежит П. О. Боровскому, изданной в 1903 г., наряду со ссылками на работы А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича использованы материалы Московского отдельного архива Главного штаба. Согласно этим данным, корнет Карачаров за сражение при Красном был награжден орденами Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой саблей с надписью «За храбрость» и произведен в следующий чин¹⁶. Сам по себе случай сразу четырех видов поощрения конкретному военнослужащему за одно сражение беспрецедентен и может быть объяснен только совершением целого ряда выдающихся подвигов, среди которых вполне мог быть и захват Орла. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что подвиг корнета Карачарова был отражен в «описании действий полка составленных полковником Мезенцевым *по окончанию войны* (курсив наш. – *И.Г.*)»¹⁷. Иными словами, никаких документально зафиксирован-

ных свидетельств, его подтверждавших, представлено не было. В этой связи подробности захвата Орлов, которые содержат полковые истории лейб-гвардии Уланского полка, в большей степени следует отнести на счет развитого воображения их авторов. Основания так считать будут иметь место до тех пор, пока в архивах не найдены донесения о захвате неприятельских Орлов, составленные непосредственно по окончании сражения при Красном.

Они же помогут установить, что же досталось русским войскам в качестве трофея: Орел в полном комплекте всех элементов, в том числе главного среди них – наверхия в форме орла, или только его полотнище? Данный вопрос вытекает из описания П. О. Бобровским самого эпизода захвата корнетом Карачаровым неприятельского символа воинской чести, где первоначально идет речь о том, что тот «схватил орла», но затем передал уже почему-то «это знамя» корнету Большивигу¹⁸.

Точно такой же вопрос возникает и в отношении символа воинской чести еще одного из полков французской армии, по описанию того же П. О. Бобровского захваченного в ходе боя у д. Ржавка, как одного из эпизодов сражения при Красном. В тексте написано, что «унтер-офицер Гомза (эскадрон Мезенцева) взял французского орла (знамя)»¹⁹.

В книге для нижних чинов «Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского Его Величества полка. 1700–1894 г.» указано, что в сражении при Красном полковник Николай Владимирович Давыдов «с полком врубился в неприятельскую колонну и захватил в плен 2 тыс. человек и командовавшего 35-м французским полком генерала Гейлигера. В числе трофеев был орел этого полка, самого знаменитейшего во французской армии»²⁰. Источником информации по данному эпизоду для него стали работы А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича.

В 1909 г. опубликовано посмертное издание книги историка А. И. Геккеля «Трофеи войн 1812–1813–1814 гг., хранящиеся в Казанском соборе»²¹. Выступивший ее редактором подполковник В. К. Кочмержевский дополнил работу об обстоятельствах захвата Орлов 18-го и 35-го французских полков линейной пехоты в сражении при Красном сведениями из историй лейб-гвардии Уланского и 1-го лейб-драгунского Московского полков русской армии, правда, без указания на источник информации.

По данным А. И. Геккеля, в Казанском соборе хранился «Орел с лентою» 35-го полка линейной пехоты французской армии с «оторванным» полотнищем. Тем не менее он привел вышитые на нем надписи: «Император Наполеон 35-му полку линейной пехоты», с одной стороны, и «Ульм, Ваграм» – с другой²². Данные надписи доказывают принадлежность полот-

нища знамени к модели 1811 г. Тот факт, что полотнище и «орел с лентою» не составляли единое целое, позволяет предположить возможность их захвата по отдельности и неодновременно.

В свою очередь, выявленная неопределенность в истории Орлов – трофеев русской армии в сражении при Красном, а также отсутствие ссылок на документальные источники при описании их захвата свидетельствуют в пользу того, что в дореволюционной историографии такая задача не относилось к числу актуальных и приоритетных.

Подтверждением этому выводу служит многолетняя работа историка П. А. Ниве «Отечественная война», приуроченная к ее 100-летию юбилею. В ней сюжеты, связанные с Орлами французских полков Великой армии используются только для иллюстраций полноты победы над неприятелем в том или ином сражении. Говоря о сражении при Красном, П. А. Ниве лишь констатирует без каких-либо подробностей захват двух неприятельских знамен, но не уточняет их принадлежность к конкретным подразделениям Великой армии²³.

Такой же подход характерен и для представителей историографии советского периода, которые, упоминая о захвате в сражении при Красном символов воинской чести подразделений Великой армии, не уточняют их полковую принадлежность. Так, военный историк и писатель Н. Ф. Гарнич в книге «1812 год», подводя итог четырехдневного сражения под Красным, ведет речь о захваченных у неприятеля «нескольких знаменах»²⁴.

В монографии Л. Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года» упоминание о трофейных символах воинской чести неприятеля связано с подведением итогов сражения при Красном, когда «к ставке Кутузова принесли знамена, которыми были награждены французские полки за Аустерлиц»²⁵. К сожалению, вопросы о том, сколько было захвачено знамен и каким французским полкам Великой армии они принадлежали, как было определено, что они получили их за сражение при Аустерлице, равно и ссылки на источники остались вне поля зрения Л. Г. Бескровного.

В 1968 г. в издательстве «Наука» выходит монография П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России», трижды переиздававшейся на протяжении 60–80-х годов XX в. В ней о знаменах Великой армии в сражении при Красном сказано следующее: «Остатки войск корпуса Нея, сбросив знамена, пушки, транспорт, сложили оружие и сдались в плен»²⁶.

В книге историка Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» в числе трофеев сражения при Красном упомянуто о шести знаменах Великой армии, но ничего не говорится об обстоятельствах их захвата и принадлежности к конкретным воинским подразделениям²⁷.

Для постсоветской историографии военной кампании 1812 г. характерно стремление расширить фактологическую базу исследований. Так, историк И. Н. Васильев, ссылаясь на полковую историю лейб-гвардии Уланского полка, указывает, что его унтер-офицер Гомза в сражении при Красном «захватил орла одного из полков»²⁸. Правда, без уточнения, к какому из полков французской армии принадлежал данный символ воинской чести.

Говоря о произошедшем в ходе этого сражения бое у д. Мерлиной, И. Н. Васильев подробно описывает атаку Московского драгунского полка под командованием полковника Н. В. Давыдова на каре 35-го полка линейной пехоты, в которой «взят орел, принадлежащий одному из знаменитых полков»²⁹. Из контекста следует однозначный вывод: Орел 35-го полка французской линейной пехоты был захвачен московскими драгунами.

В преследовании в ходе сражения при Красном корпуса маршала Нея вновь отличается лейб-гвардии Уланский полк. В его полковой истории записано, что улану Герасиму Дарченко удалось при атаке каре «зарубив знаменосца захватить полковой ”орел” 18-го линейного». Далее он был окружен, но на помощь ему подоспел корнет Карачаров и другие уланы. Корнет Карачаров передал Орел корнету Большвингу, а сам зарубил еще двух французских гренадеров³⁰. В данном случае живописные подробности захвата неприятельских Орлов в неизменном виде перекочевали из до-революционных полковых историй в работу представителя постсоветской историографии без какой-либо попытки их критической проверки на достоверность.

Как итог многолетней работы коллектива авторов, представленного ведущими специалистами в области военной истории, в 2004 г. выходит в свет энциклопедия «Отечественная война 1812 года». В ней автор статьи «Трофеи» А. Н. Лукирский отмечает, что в боях при Красном Уланским лейб-гвардии полком был захвачен Орел 18-го, а Полтавским пехотным полком – Орел 35-го линейного полка французской армии³¹.

В статье «Орлы» ее автор В. П. Турусов констатирует захват российскими войсками тринадцати полковых Орлов или их фрагментов, а также выпелов эскорта Орлов 17, 35 и 46-го линейных пехотных полков французской армии³². К сожалению, им не указана полковая принадлежность Орлов, а также в каких сражениях военной кампании 1812 г. добыты упомянутые трофеи. Исключением является флюгер или выпел эскорта орлоносца 46-го полка линейной пехоты французской армии, захваченный в сражении при Красном.

В 2013 г. опубликована работа российского историка А. А. Королева «По следам Великой армии Наполеона», в которой сказано, что в сраже-

нии при Красном 18-й полк линейной пехоты французской армии «был лишен своего сердца», поскольку улан лейб-гвардии Уланского полка Герасим Дарченко, «убив орлоносца захватил Орла и знамя полка»³³. В том же сражении Московскому драгунскому полку полковника Н. В. Давыдова, «разорвавшему каре и опрокинувшему остатки» 35-го полка линейной пехоты французской армии, в качестве трофеев «достались орел, знамя, а также значки ассистентов, орлоносцев, которые были приняты за батальонные фаньоны». В качестве подтверждения истинности данного эпизода А. А. Королев приводит следующую выдержку из воспоминаний генерала А. П. Ермолова: «...взят Орел, принадлежащий одному из знаменитых полков»³⁴. Заметим, что кроме констатации факта захвата Орла какого-то полка французской армии, в мемуарах А. П. Ермолова нет никаких подробностей данного эпизода.

В зарубежной историографии первая попытка воссоздания истории Орлов французской армии предпринята историком О. Холландером, опубликовавшим в 1902 г. книгу «Знамена и штандарты, 1812–1815». Ее актуальность он обосновал тем, что данная тема является наименее изученной областью военной истории, которой практически никто не занимался. Безусловно, такой вывод нуждался в весомой доказательной базе. О. Холландер попытался ее создать, рассмотрев историю Орлов французской армии, хранящихся в Казанском соборе. В первую очередь он выделил из их числа трофеи военной кампании 1812 г., к числу которых отнес и символы воинской чести 18-го, а также 35-го полков линейной пехоты французской армии. Согласно его описанию, они были представлены полным комплектом элементов – навершием в виде позолоченного орла, полотнищем знамени модели 1812 г. (так датирует О. Холландер. – *И.Г.*), древком и лентой с двумя золотыми кистями на концах.

Свое заключение насчет обстоятельств, при которых вышеперечисленные Орлы оказались утраченными, О. Холландер построил на свидетельстве участника военной кампании 1812 г. виконта де Пеллери, согласно которому 18-й полк линейной пехоты был «почти полностью уничтожен в сражении при Красном, а его Орел остался на поле боя»³⁵. На основании такой отрывочной и неконкретной информации сделать объективное заключение об обстоятельствах его утраты, а тем более о том, в каком виде он стал трофеем русских войск, невозможно. В отношении символа воинской чести 35-го полка линейной пехоты О. Холландер констатирует, что «обстоятельства, при которых знамя попало к русским, неизвестны»³⁶. Заметим, что в данном случае речь идет не об Орле в полной комплектации элементов, а только его полотнище.

В 1912 г. в Великобритании опубликована книга Эдварда Фрейзера «Военная драма Орлов», в которой со ссылкой на официальные отчеты русского командования он упоминает о двух знаменах, утраченных в сражении при Красном³⁷. Никаких уточняющих обстоятельств или подробностей данного эпизода им не приводится.

В 1962 г. была опубликована статья генерала французской армии русского происхождения, военного историка С. П. Андоленко «Знамена Великой армии, отбитые в 1812 году». По его данным, в числе трофеев русских войск находились орлы-навершия (без полотнищ) 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии³⁸. Ссылаясь на данные из историй полков русской армии, С. П. Андоленко привел ряд подробностей о происхождении данных трофеев.

Так, Орел 18-го линейного пехотного полка был взят чинами лейб-гвардии Уланского полка в сражении при Красном. В нем же солдаты Полтавского полка захватили древко, орла-навершия и ленты 35-го полка линейной пехоты. Полотнище его Орла в этом же сражении захватили солдаты Нижегородского полка. Орлы-навершия этих полков, по утверждению С. П. Андоленко, на момент написания статьи находились в Эрмитаже. К сожалению, С. П. Андоленко ограничился только цитированием полковых историй, не подвергнув их критическому анализу.

В 1967 г. французский военный историк генерал Жан Рено опубликовал книгу «Имперские орлы и трехцветные знамена». Ссылаясь на рапорт командира русского отряда Бутурлина о захвате 16 ноября в боях с войсками принца Евгения Богарне «одного орла», Ж. Рено соглашается с мнением А. Геккеля, определившего его как символ воинской чести 35-го полка линейной пехоты из дивизии Брусье IV корпуса Великой армии³⁹.

Факт утраты Орла 18-го полка линейной пехоты в сражении под Красным зафиксирован в российской и зарубежной историографии и поэтому Ж. Рено не оспаривается.

Разногласия русских и французских источников о судьбе Орла 35-го полка линейной пехоты IV корпуса, заставляют Ж. Рено выдвинуть версию, его сглаживающую. Как указывает Ж. Рено, сам факт того, что он «был разбит и сожжен по приказу его высочества вице-короля во время отступления из России» подтверждается документально, но без указания места и даты исполнения приказа. С другой стороны, по русским источникам, «орел с перевязью» этого полка является трофеем сражения при Красном. Согласно версии Ж. Рено, так произошло потому, что по приказу Е. Богарне был уничтожен не весь Орел 35-го полка линейной пехоты, а только его полотнище⁴⁰. В конечном итоге, обобщив накопленные

в историографии сведения по поводу судьбы Орлов французской армии в военной кампании 1812 г., Ж. Рено констатирует, что Орлы 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии относятся к числу тех, которые «были захвачены или утеряны»⁴¹.

В 1982 г. французский историк Пьер Шаррье публикует работу под названием «Знамена и штандарты от революции до империи». По собранным им данным, орлы-навершия, идентифицированные как символы воинской чести 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии, хранились среди прочих трофеев в музеях Ленинграда. П. Шаррье выражает сомнение в правильности данной идентификации на основании того факта, что цифра «5» на пьедестале орла-навершия 35-полка сломана. По его данным, точно такой же орел-навершие, но с неповрежденными цифрами «3» и «5» на аверсе и реверсе пьедестала и идентифицированный как принадлежащий 35-му полку линейной пехоты французской армии, хранится в Вене.

Что касается идентификации орла-навершия 18-го полка линейной пехоты, то она у него не вызвала сомнения в достоверности⁴². П. Шаррье относит его к трофеям сражения при Красном, захваченным вместе с полотнищем знамени «гвардейскими уланами» русской армии. В этом же сражении Полтавским полком был захвачен орел-навершие 35-го полка. На то обстоятельство, что данное утверждение противоречит высказанному им ранее сомнению по поводу правильности идентификации полковой принадлежности данного трофея, П. Шаррье внимания не обращает⁴³.

В 1994 г. французский историк Н. Вогель опубликовала данные о трофейных французских знаменах и штандартах, хранившихся в Казанском соборе Санкт-Петербурга. В ней приводится переписка между президентом французского научного исторического общества «Сабретаж» Ф. Массоном и великим князем Николаем Михайловичем по выяснению судьбы Орлов французских полков Великой армии в войне 1812 года. Из ее материалов следует, что трофеями русской армии стали Орлы четырех пехотных (21, 35, 44, 126-го) и семи кавалерийских (1, 4, 9, 14-го кирасирских, 28-го драгунского, 3-го и 4-го легкоконных) полков⁴⁴. Упоминание об Орле 18-го полка линейной пехоты отсутствует. Таким образом, обзор работ представителей российской и зарубежной историографии, содержащих упоминание о захвате в сражении при Красном символов воинской чести подразделений из состава Великой армии, не позволяет сделать однозначного вывода о том, что в их числе были Орлы 18-го и 35-го полков французской линейной пехоты. В дворянской историографии речь шла о знаменах неприятеля без указания на их принадлежность к конкретному подразделению. Только в буржуазной историографии, но без ссылок на

документальные источники, появляется утверждение о захвате в сражении при Красном Орлов 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии с указанием на то, какие полки русской армии совершили данный подвиг. В изданных к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года историях данных полков появляются живописные подробности захвата неприятельских Орлов и имена отличившихся при этом солдат и офицеров, но без ссылок на документальные источники.

В советский период историографии Отечественной войны 1812 года все трофейные символы воинской чести неприятеля, захваченные в сражении при Красном, именуется как «знамена», без указания на их полковую принадлежность. Такой обезличенный подход свидетельствует о полном отсутствии интереса ее представителей к данной теме. Постсоветская историография в данном вопросе использует наработки своих предшественников – буржуазных историков, не утруждая себя их проверкой на достоверность.

Представители зарубежной историографии в целом признают утрату в сражении при Красном Орлов 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии. Главным аргументом для них выступает тот факт, что они были представлены в качестве почетных трофеев в экспозиции Казанского собора Санкт-Петербурга. Ввиду уничтожения архива Генерального штаба Великой армии в ходе отступления, зарубежные историки вынуждены опираться в данном вопросе на сведения, накопленные в российской историографии, одновременно выражая сомнения в достоверности их отдельных аспектов.

Внести ясность в вопрос о том, были ли утрачены 18-м и 35-м полками линейной пехоты французской армии Орлы в сражении при Красном, может только обращение к архивным документам, как опубликованным, так и впервые вводимым в научный оборот. Одним из них является рапорт генерал-лейтенанта Уварова от 4 ноября о том, что в сражении при Красном «шеф Московского драгунского полка полковник Давыдов толпой врубился, уничтожил пехотную колонну, взял знамя, генерала командующего сей конницей»⁴⁵. 5 ноября уже непосредственный командир Уварова генерал от инфантерии Милорадович шлет рапорт на имя М. И. Кутузова, содержащий более подробную информацию по данному эпизоду. Согласно ей, отряд Уварова совместно с кавалерией атаковал колонну IV корпуса вице-короля итальянского Евгения Богарне «при этом шеф московского полка полковник Давыдов сам взял генерала Cort Heileger командующего обеими кареями и значек, употребляемый вместо знамени»⁴⁶. В штабе главнокомандующего для записи в «Кратком журнале боевых действий» за основу взяли рапорт Милорадовича. Запись датируется 5 ноября и гла-

сит: «Генерал Милорадович донес от 4 числа... шеф Московского полка полковник Давыдов сам взял генерала Кор-Гейлигера и значок, употребляемый вместо знамени»⁴⁷. Таким образом, первоначальная информация о захвате «знамени» не подтверждается, поскольку за него был принят «значок». Заметим, что в том и другом случае нет никаких указаний на то, что командир Московского драгунского полка Давыдов захватил Орла.

В рапорте того же Милорадовича от 13 ноября отмечено: «...4-го числа при деревне Мерлиной вторично атаковал я 4-й неприятельский корпус, под командованием вице-короля итальянского. В сем деле Нижегородским полком взято знамя, Московским драгунским штандарт. 5-го числа атаковал я неприятеля во фланг и тыл... отбито знамя, лейб-гвардейский уланский полк взял орла»⁴⁸. Следует заметить, что обязательным элементом полотнищ знамен и штандартов Орлов являлись вышитые номера пехотных и кавалерийских полков французской армии. Из того факта, что Милорадович их не указывает, следует, что трофеями Московского драгунского и Нижегородского пехотного полков стали обыкновенные значки безымянных подразделений из состава Великой армии. Но даже если речь идет действительно о захвате полотнища Орла французского кавалерийского полка, то его номер все равно остается неизвестен.

Что касается утверждения о захвате лейб-гвардии Уланским полком Орла, то, обобщив поступившие из действующей армии сведения о захваченных в сражении при Красном символах воинской чести неприятеля, в штабе главнокомандующего делают следующую запись: «...а всего неприятель потерял с 3 по 7 число 6 знамен, 1 маршальский жезл»⁴⁹. Из факта неупоминания про Орла следует, что Милорадович не смог подтвердить его захват предоставлением позолоченного бронзового навершия.

Впрочем, факт захвата лейб-гвардии Уланским полком русской армии в сражении при Красном символа воинской чести одного из полков французской армии зафиксирован на Георгиевском штандарте, врученном ему вскоре после окончания военной кампании 1812 г.⁵⁰

Внести ясность в вопрос о том, явились ли Орлы 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии трофеями русских войск в сражении при Красном, могут только архивные документы. К их числу относится дело под названием «Переписка с Главнокомандующим русской армией, с инспектором артиллерии и начальником Главного штаба о пересылке трофеев в Петербург».

Его хронологические рамки охватывают период с 21 октября 1812 г. по 12 сентября 1814 г. по старому стилю. Адресатами переписки выступали, с одной стороны, Сергей Кузьмич Вязмитинов, с марта 1812 г. занимавший

должность главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции, а с другой – Алексей Андреевич Аракчеев, с 1808 г. министр военно-сухопутных сил и генерал-инспектор пехоты и артиллерии русской армии. Именно он, сопровождая императора Александра I во время заграничных походов 1813–1814 гг., исполнял роль начальника Императорской походной канцелярии.

Несмотря на непрерывную нумерацию листов, архивное дело фактически состоит из двух частей. Первую часть составляют письма Аракчеева к Вязмитинову. В соответствии с занимаемой должностью в обязанности Аракчеева входил учет трофейных знамен, которые по мере поступления из действующей армии в Императорскую походную канцелярию пересылались в Санкт-Петербург. Каждая партия трофейных знамен сопровождалась письмом, в котором Аракчеев, со ссылкой на указания Александра I, инструктировал в отношении их дальнейшей судьбы Вязмитинова. Вторая часть включает в себя «Реестр французским, италианским, саксонским, польским, баварским, вестфальским и другим бывшего Рейнского союза войск знаменам и штандартам, отбитым в сражениях во время войн с Францией в 1812, 1813 и 1814 гг., хранящимся в Соборе Казанской Богоматери». Реестр был составлен 17 октября 1814 г.⁵¹

Само архивное дело, несмотря на указание о том, что оно начато 21 октября, начинается с документа датированного 21 декабря 1812 г. Но на странице 64 выявлен документ, который датирован 12 декабря того же года. Налицо факт путаницы, выразившийся в нарушении временной последовательности поступления документов из Вильно в Санкт-Петербург, допущенный при их комплектовании в одно архивное дело.

Объяснение несоответствия хронологических рамок архивного дела с датами документов вытекает из его названия. В нем представлена переписка между высокопоставленными государственными чиновниками. Она возникла после того, как один из ее участников, Аракчеев, покинул Санкт-Петербург и отправился с императором в действующую армию. Следовательно, вся переписка о трофеях, отбитых у неприятеля до этого момента, входила в данное архивное дело отдельной частью и хронологически охватывала период с 21 октября по 12 декабря 1812 г. Ее местонахождение в настоящее время не известно. Именно в этой части должны храниться документы, содержащие информацию о трофейных символах воинской чести подразделений Великой армии, в том числе 18-го и 35-го полков французской линейной пехоты. Какие же причины могли обусловить разделение данного архивного дела на две части? Возможный ответ следует искать в материалах его второй части.

Так, известно, что император Александр I прибыл к армии в Вильно 11 декабря 1812 г. Уже на следующий день, 12 декабря, Аракчеев посылает Вязмитинову письмо с уведомлением об отправке в Санкт-Петербург штандартов 4-го и 14-го кирасирских полков, а также «штандарта копейщиков». Ссылаясь на «высочайшую волю», он ставит перед Вязмитиновым задачу: приделать к ним древки и навершия в виде орлов. При ее исполнении предписывалось следовать «образцу имеющихся уже в Санкт-Петербурге французских штандартов». И далее следует приписка: «Со своей стороны не излишним считаю известить вас Милостивый Государь, что древки делаются и орлы отливаются в Санкт-петербургском арсенале»⁵².

Таким образом, отливка бронзовых наверший в форме орла к трофейным полотнищам знамен и штандартов полков французской армии производилась с того момента, когда русское командование столкнулось с таким явлением, как захват у противника их отдельных элементов, в частности полотнищ знамен и штандартов. Данный способ реконструкции первоначального вида полковых Орлов французской армии составлял государственную тайну. Она была настолько важна, что изначально в нее не был посвящен даже главнокомандующий войсками в Санкт-Петербурге Вязмитинов. Не следует ли из этого, что первыми трофеями русских войск из числа символов воинской чести неприятеля стали как раз полотнища знамен Орлов 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии? Сами по себе они не представляли большой ценности, поскольку, и это было широко известно, главным элементом Орлов являлись их навершия в виде сидящего орла с распростертыми крыльями, являвшиеся одновременно государственными символами созданной Наполеоном империи.

Понимая это, ближайшее и доверенное окружение Александра I разрабатывает план восстановления первоначального вида символов воинской чести 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии с тем, чтобы публично продемонстрировать их как наглядные доказательства победы над неприятелем в сражении при Красном. С этой целью к трофейным полотнищам данных полков в Санкт-петербургском арсенале отливают бронзовые орлы-навершия. Образцами для них служат Орлы модели 1804 г., захваченные русскими войсками в ходе военной кампании 1805–1807 гг. и хранившиеся с тех пор в Петропавловском соборе. 12 октября 1812 г., т.е. через неделю после сражения при Красном, по приказу Аракчеева «все французские орлы» из Петропавловского собора были изъяты подполковником Касторским. «С тех пор след их потерялся. Дальнейшая судьба их не известна»⁵³. Кстати, среди них был Орел 2-го батальона 18-го пехотного линейного полка, отбитый Санкт-петербургскими драгунами в сражении

при Прейсиш-Эйлау⁵⁴. Именно он или отлитая с него копия как нельзя лучше подходили для реконструкции Орла 18-го полка линейной пехоты французской армии, чье полотнище знамени попало в число трофеев русской армии по итогам сражения при Красном.

Таким образом, историографический и источниковедческий анализ материалов и сведений по истории Орлов 18-го и 35-го полков линейной пехоты французской армии в военной кампании 1812 г. дает основания усомниться в достоверности хрестоматийного утверждения о том, что они являются русскими трофеями сражения при Красном. К числу таких трофеев можно отнести только полотнища их знамен, к которым были добавлены копии с подлинных орлов-наверший модели 1804 г. Фальсификация была произведена с тем, чтобы добиться максимального пропагандистского эффекта от демонстрации полностью комплектных Орлов данных полков при их выставлении на праздник Рождества Христова 1813 г. на всеобщее обозрение в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чуйкевич П. А. Рассуждения о войне 1812 года СПб.: Сенат. тип. , 1813. С. 48.

² Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб.: В тип. В. Плавильщикова, 1819. С. 229.

³ Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: С официальных документов и др. достоверных бумаг рос. и фр. ген. штабов: В 2 ч. 2-е изд. СПб.: Воен. тип. Гл. Штаба Его Имп. Величества, 1838. Ч. 2. С. 99.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Там же. С. 118.

⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 447.

¹⁰ Там же. С. 450.

¹¹ Там же. С. 455.

¹² Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: В 3 т. СПб.: Тип. Дома С. Струговщиков, Г. Похатонов, Водов и К., 1860. Т. 3. С. 118.

¹³ Там же. С. 137.

¹⁴ *Крестовский В.* История Лейб-Гвардии Уланского Его Величества полка. СПб.: Тип. Второго Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 50–52 (прил.).

¹⁶ *Бобровский П. О.* История Лейб-гвардии Уланского Его Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903. Т. 1. С. 189.

¹⁷ Там же. С. 137.

¹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского Его Величества полка, 1700–1894 гг. Тверь: Типо-Литография и Нотопечатня Ф. С. Муравьева, 1894.

²¹ *Геккель А. И.* Трофеи войн 1812–1813–1814 г., хранящиеся в Казанском соборе. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909.

²² Там же. С. 137.

²³ *Ниве П. А.* Отечественная война 1812–1912: В 5 т. СПб.: Тип. Морск. м-ва, 1912. Т. IV. С. 573.

²⁴ *Гарнич Н. Ф.* 1812 год. 2-е изд., доп. М.: Госкультпросветиздат, 1956.

²⁵ *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 549.

²⁶ *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М.: Наука, 1968. С. 258.

²⁷ *Троцкий Н. А.* 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988. С. 279.

²⁸ *Васильев И. В.* Несколько громких ударов по хвосту тигра: Операция на р. Березине осенью 1812 года или реабилитация адмирала Чичагова. М.: Рейтарь, 2001. С. 61.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ Там же. С. 93.

³¹ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004.

³² Там же. С. 530–531.

³³ *Королёв А. А.* По следам Великой армии Наполеона. СПб.: Лики России, Images de Russie, 2013. С. 59.

³⁴ Там же. С. 137.

³⁵ *Hollander O.* Les drapeau et etendards de 1812 a 1815. P. ; Nancy, 1902. С. 111.

³⁶ Там же. С. 112.

³⁷ *Fraser E.* The war drama of the Eagles. L., John Murray, Albemarle street; W., 1912. С. 288.

³⁸ Андоленко С.П. Знамена Великой Армии, отбитые в 1812 году // Воен. быль. 1962. № 56. С. 28.

³⁹ Regnault J. Les Aigles Imperiales et le drapeau tricolore, 1804–1815. P.: J. Peyronnet, 1967. С. 176.

⁴⁰ Там же. С. 182.

⁴¹ Там же. С. 197.

⁴² Chairrie P. Drapeaux et Etandards de la Revolution et de l'Empire. P., 1982. P. 121–122.

⁴³ Там же. С. 216.

⁴⁴ Vogel N. Recherches, sur des Drapeaux et les Etandards Urancais pris par L'Armée Imperiale Russe et conservees en Russie // Etudes Napoleoniennes. 1994. Vol. IV. P. 119–125.

⁴⁵ Материалы ВУА. СПб.: Тип. «Бережливость», 1912. Т. XX. С. 20

⁴⁶ Там же. С. 40.

⁴⁷ Там же. С. 65.

⁴⁸ Там же. С. 85.

⁴⁹ Материалы ВУА. СПб.: Тип. «Бережливость», 1912. Т. XV. С. 68.

⁵⁰ От Аустерлица до Парижа: Дорогами поражений и побед / Авт.-сост. О.В. Гончаренко. М.: Вече, 2012. С. 263.

⁵¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Дело о пересылке трофеев в Петербург. Л. 131.

⁵² Там же. Л. 64.

⁴⁸ От Аустерлица до Парижа. С. 262.

⁴⁸ Там же. С. 260.